

Прошло 20 лет с начала перестройки, и настало время подводить итоги этого важнейшего, поистине исторического этапа в жизни России и других стран бывшего СССР. В статье пойдет речь только о России, и преимущественно об экономике.

Периоды становления постсоветской экономики

Г. И. ХАНИН,
доктор экономических наук,
Новосибирск

С момента начала перестройки можно выделить три периода развития российской экономики.

Ломать – не строить?

Первый период – период разрушений. В России он оказался одним из самых затяжных и тяжелых среди стран Восточной Европы. Этот период продолжался более 10 лет, с падением ВВП более чем на 1/3.

К этим разрушительным последствиям в макроэкономике надо добавить обнищание большей части населения, разрушение многих наукоемких отраслей экономики, науки и образования, культуры, сельского хозяйства, отраслей транспорта и жилищно-коммунального хозяйства. Наиболее сильно пострадали наука, геология и инвестиции, реальные ассигнования на которые сократились в 4–5 раз, а это те области, от которых зависит будущее развитие экономики.

Удивительно то, что общество все-таки выдержало испытание разрушением и не распалось, хотя несколько раз было весьма близко к этому. Можно объяснить данное обстоятельство большими размерами ранее накопленного богатства, которого хватило для жизнеобеспечения даже после фантастического его разворовывания, и великой предприимчивостью населения (челночный бизнес, личное подсобное хозяйство).

© ЭКО 2007 г.

Период экономических реформ разбудил частную хозяйственную инициативу и энергию (которых так недоставало в период застоя) многих миллионов людей. Было создано множество частнособственнических структур, преимущественно в сфере торговли, но также и ремесел, банковского дела, приватизировано много предприятий. Их руководители в силу молодости, полного отсутствия традиций ведения частного хозяйства и низкой морали очень часто оказывались беспомощными и малоэффективными. Но все-таки они смогли наладить торговлю и денежные расчеты, удержать большинство работников на рабочих местах.

Впервые за многие десятилетия население России узнало, что такое настоящая торговля, и увидело полные прилавки в магазинах, хотя пользовалось этим товарным изобилием в полной мере, конечно, меньшинство. Добавим сюда появление в широком пользовании ксерокопирования, факсимильной и мобильной связи, компьютеризацию учреждений и частных лиц современной вычислительной техникой, массовое приобретение качественных легковых автомобилей. Иностранным капиталом была создана современная пивная и табачная промышленность. Так что остроумное замечание И. М. Хакамады, что население России получило от реформ только сериалы, все же несколько преувеличено. Росту материального благосостояния части населения способствовало и заметное сокращение колоссальных военных расходов.

Кто был активным участником этих процессов? Какова эпоха – таковы и люди. Преобладали крайне корыстолюбивые, наглые и пронырливые энергичные личности, зачастую с криминальным прошлым или подобными наклонностями. «Кинуть», а порой и убить своего конкурента или партнера считалось чуть ли не нормой. Богатства создавались не столько благодаря предпринимательским способностям, сколько близости к власти, которую легко было подкупить. Безмерные доходы «плыли» в руки в результате «прихватизации» и всеобщего беспорядка. «Герои» этого периода были крайне примитивны по деловым качествам и квалификации: торговцы и банкиры, больше похожие на со-

держателей воровских «общаков», выскочившие, как черт из табакерки, благодаря залоговым аукционам олигархи, бандиты, вору и взяточники.

Но были и исключения. Например, феноменальный успех компании мобильной связи «Вымпелком», созданной бывшими работниками оборонных институтов с участием американского капитала и технологий. Другой пример: предприниматель А. С. Паникин, преуспевший в производственной деятельности в самых сложных отраслях экономики – текстильной промышленности и сельском хозяйстве. И таких людей тоже было немало.

Сложившийся в этот период хозяйственный и общественный уклад, включая характер предпринимательской среды и власти (успешно обслуживавшей саму себя), был совершенно нежизнеспособным, абсурдным и должен был лопнуть. Что и случилось в результате финансового кризиса 1998 г.

Верной дорогой?

Кризис 1998 г. с понижением курса рубля чуть ли не в четыре раза, при всех издержках для населения и множестве «кинутых» предпринимателей, в том числе иностранных, оказался благотворным для российской экономики. Он открыл второй период – восстановления, почти полностью совпавший со сменой верховной власти – уходом с поста президента Б. Н. Ельцина.

С выбором в качестве президента РФ В. В. Путина усилилось позитивное воздействие финансового кризиса. Стали устраняться допущенные в 1990-х годах ошибки в различных областях социально-экономической жизни: в государстве начал наводиться элементарный порядок, появилась минимальная ответственность должностных лиц, некоторые зарвавшиеся олигархи были поставлены на место (хоть порой и чрезмерно жестко), началась, пусть робкая, но борьба с коррупцией, была достигнута некоторая политическая стабильность.

Финансовый кризис оказал на экономику и позитивное воздействие:

- ✧ резкое повысилась конкурентоспособность отечественной экономики;
- ✧ отсеялись нежизнеспособные предприятия;
- ✧ коммерческие банки освободились от непосильных внешних финансовых обязательств.

Росту экономики способствовало начавшееся в 2003 г. повышение мировых цен на нефть, что резко увеличило валютные и бюджетные поступления, импорт продукции, в том числе и предметов потребления.

Однако все эти события оказали столь существенное влияние благодаря изменениям в характере предпринимательского сообщества. Поняв, что необходимо измениться, чтобы не лишиться богатства, многие из предпринимателей, в том числе и олигархи, всерьез взялись за совершенствование своих компаний. Сказалась и конкуренция, вытесняющая самых неумелых. Начали цениться способности работников, а не только их наглость.

Впечатляют последние достижения крупных нефтяных компаний («ЛУКойл», «Сургутнефтегаз»), предприятий черной и цветной металлургии («Норильский никель», Магнитогорский и Новолипецкий металлургические комбинаты), коммерческих банков. Они освоили современные методы управления и бухгалтерского учета, пригласили в качестве топ-менеджеров и членов советов директоров иностранных специалистов, стали намного более открытыми.

Аналогичные процессы происходят в среднем и мелком бизнесе. Поразительным, на первый взгляд, выглядит создание в кратчайшие сроки почти с нуля ряда крупных торговых сетей («Перекресток», «Магнит», «Седьмой континент»), уже достигших оборота более 1 млрд дол. в год. Российские супер- и гипермаркеты сегодня мало чем уступают западным аналогам по набору товаров и уровню обслуживания.

Успехи не ограничиваются сферой услуг, где они наиболее наглядны. Развитие современных финансовых институтов ушло далеко от периода 1990-х годов. Многие из них уже функционируют нормально, пусть еще и не очень умело. Очень быстро развивается рынок частных ценных бумаг, который в 1990-е годы был в зачаточном состоянии.

Довольно внушительна общая капитализация российских компаний, быстро растет первичное размещение акций, преимущественно за рубежом, выпускаются и распродаются (тоже преимущественно за границей) облигации ряда компаний. Значительно выросли объемы торговли на российских фондовых биржах, о деятельности которых 20 лет назад знали не более пяти человек на всю страну. На 11 ступеней с 1998 г. поднялся страновой кредитный рейтинг России. Все это напоминает настоящий современный капитализм.

Позитивные институциональные изменения сказались и на развитии экономики. Идет экономический рост, хоть и намного меньший, нежели показывает официальная статистика. Альтернативные оценки среднегодовых темпов роста ВВП в 2001–2004 гг. на 1,5 п. п. ниже официальных. Но по всем оценкам, в 2006 г. ВВП вышел на уровень 1990 г., по сравнению с 1998 г. поднялся уровень жизни большей части населения.

Заметно выросли количество, качество и ассортимент продукции ряда отраслей промышленности, в том числе наукоемких и относящихся к инвестиционному комплексу. Почти чудом (безо всякой иронии) можно считать положение в сельском хозяйстве, объем продукции которого в постсоветский период упал лишь на 20–25%. В последние годы даже наблюдается его рост при сокращении поставок минеральных удобрений и капитальных вложений примерно в 20 раз по сравнению с 1990 г.

Вообще материалоемкость продукции народного хозяйства снизилась (о чем говорит сопоставление динамики внутреннего потребления сырья и полуфабрикатов с динамикой ВВП), заметно выросла фондоотдача. Сказались и структурные сдвиги в пользу менее материалоемкой и фондоемкой сферы услуг, и рост фондоотдачи в ряде отраслей экономики.

Сложнее оценить изменение производительности труда из-за большого количества нерегистрируемых занятых, особенно в строительстве и торговле (по некоторым данным, их доля в строительстве составляет 48%, в торговле и об-

щепите – около 32%¹), прежде всего, нелегальных иммигрантов. По примерным оценкам, производительность труда лишь достигла уровня 1990 г., что неудивительно при резком сокращении фондовооруженности одного занятого и низкой квалификации нелегальных иммигрантов. Значительно возросла интенсивность труда – очень низкая в последний советский период.

Довольно быстро после 1998 г. начали расти капитальные вложения, в том числе и в производственную сферу. Теперь крупные и средние строительные объекты возводятся не единицами, а десятками и сотнями. Осваиваются месторождения (Заполярье месторождение газа), строятся новые крупные нефте- и газопроводы, порты, ведется реконструкция металлургических комбинатов и строительство автомобильных заводов (правда, исключительно иностранцами). Поражает размах жилищного строительства в Москве. Заметно выросли расходы на науку, образование и здравоохранение. Героями общества все чаще становятся умелые предприниматели, руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий и даже ученые.

Одним словом, вектор изменений сменил направление на противоположное относительно 1990-х годов. Капитализм вроде бы показал свои творческие возможности и на российской земле. Разрушительный период остался позади.

Что там, за поворотом?

Иначе выглядят эти успехи в сравнении с реальными потребностями российской экономики и общества. Общая производительность факторов производства (с учетом нелегальной иммиграции) вряд ли существенно превысила уровень 1990 г. Уровень личного потребления большинства населения России и состояние общественных фондов потребления, продолжительность жизни населения – намного ниже. Произошла огромная «утечка мозгов». По многим наукоемким и высокотехнологичным отраслям экономики отставание от развитых стран увеличилось на многие годы.

¹ Чурсина В. Депутаты против гастарбайтеров // Новая газета. 2006. № 35.

Все это означает, что Россия теперь отстает от развитых стран по важнейшим экономическим и социальным показателям уже не на 37 лет (как отставал СССР в конце 1980-х годов, по подсчетам историка Б. Н. Миронова), а по меньшей мере на 50. Это, конечно, не 96 лет отставания в 1913 г., но ситуация все равно угрожающая.

Дело не только во внешних опасностях, отнюдь не шуточных. Возможности экономического роста восстановительного характера, резервы производственных мощностей, рабочей силы и интеллектуальных достижений советского периода подходят к концу. Потенциал, доставшийся от СССР, отнюдь не безграничен. Эра созидания, в которую должна вступить Россия, требует совершенно новых подходов, институтов и людей. Созидать, притом быстро и на новой технической базе, намного труднее, чем восстанавливать прежний уровень. В этом Советский Союз убедился в конце нэпа, когда после исчерпания резервов дореволюционной экономики и при отсутствии финансовых источников расширения производства вступил в период стагнации, для преодоления которой потребовался переход к командной экономике². Сейчас Россия переживает поразительно похожую ситуацию. Чтобы в этом убедиться, надо проанализировать реальное состояние ее экономики.

Многие официальные макро- и финансово-экономические данные о положении отдельных отраслей для этого совершенно непригодны. Главный их недостаток в том, что основные фонды учитываются по смешанной стоимости – балансовой (по старым мощностям) и рыночной (по новым). Для реального сектора экономики, где преобладают старые мощности, стоимость основных фондов занижена во много раз, что не позволяет оценить их динамику, рентабельность отраслей и потребность в капитальных вложениях. Для обеспечения роста основных фондов на 6–7% в год и соответствующего роста ВВП требуется в ближайшие годы увеличение объема капитальных вложений примерно в 3–3,5 раза³. Именно такой рост произошел в СССР в первую пятилетку, после отказа от нэпа.

² Ханин Г. И. Почему и когда погиб нэп // ЭКО. 1989. № 9.

³ Ханин Г. И. Технология экономического рывка в России // ЭКО. 2004. № 10. С. 168.

Одно только нахождение в короткие сроки финансовых источников столь грандиозного увеличения капитальных вложений представляет собой труднейшую задачу. Не менее трудной является материально-вещественное ее наполнение. Потребуется во столько же раз увеличить поставки на внутренний рынок оборудования, строительных материалов, нарастить мощности строительных организаций.

Инвестиционный сектор

Инвестиционный сектор российской экономики был сильно подорван в постсоветский период, и возродить его (порой создавая заново) очень сложно. Для строительства и реконструкции тысяч технически сложных производственных объектов нужны проекты, но проектный сектор почти полностью уничтожен, а навыки такого строительства давно утеряны.

Сложность проблемы иллюстрирует свежий пример строительства крупнейшего (стоимостью в 37 млрд руб.) нефтепровода «Север», рассказанный президентом компании «Транснефтепродукт» С. В. Масловым: «Крупные предприятия были уже задействованы на объектах, поэтому нам приходилось выбирать из того, что осталось. Квалифицированных компаний оказалось не так много: почти 10 лет в стране не готовили сварщиков и не строили трубопроводов для нефтепродуктов. Клянусь, было нелегко найти даже умелых сварщиков. К нам приходили руководители компаний, появившихся год назад. Наши специалисты... выяснили, что там только 30-летний асфальтоукладчик и из всей строительной техники – лишь два бульдозера»⁴.

Для экономического рывка нынешние отечественные экономические институты не годятся. Они маломощны и примитивны, зачастую нерентабельны. Невозможно рассчитывать, что этот рывок будет осуществлен за счет самих фирм. По нашим расчетам, большинство отраслей реальной экономики просто-напросто убыточно.

Еще восемь лет назад была установлена огромная убыточность такой ключевой отрасли экономики, как электро-

⁴ РБК. 2006. № 10. С. 82.

энергетика. Чтобы сделать ее способной к расширенному воспроизводству, требовалось поднять цены на ее продукцию примерно в три раза. В сельском хозяйстве убытки достигают сотен миллиардов рублей. Следовательно, нужно в несколько раз повышать цены на продукцию или искать заемные ресурсы.

Но возможное повышение цен наталкивается на ограниченность финансовых ресурсов у покупателей. Многие ли потребители смогут покупать ту же электроэнергию (или продукцию железнодорожного транспорта, где сложилась аналогичная ситуация) по цене в несколько раз выше нынешней? Положение могло бы измениться, если бы владельцы и управляющие предприятий этих отраслей согласились уменьшить свои доходы в 5–6 раз. Но похоже, что новоявленные капиталисты не готовы поступиться своими сверхдоходами в интересах своих предприятий.

Основной институт современной экономики – компании – не готовы взять на себя миссию созидателей, ни финансово, ни интеллектуально: слишком они слабы. Для изменений нужны десятилетия. В России реально рентабелен только сектор иностранного предпринимательства, даже в машиностроении и сельском хозяйстве, в силу больших финансовых возможностей, производственной и организационной культуры. Именно этот сектор обеспечил экономический подъем в Восточной Европе, правда, ценой превращения ее в полуколонию, но готова ли на это Россия?

Финансовая система

Мало надежд и на быстрое созревание институтов внешнего финансирования. Мировая практика знает два его частных вида: с опорой на рынок ценных бумаг (англо-американский вариант) и банковскую систему (германо-японский).

Активы банковской системы по отношению к ВВП в России намного ниже, чем почти во всех странах Восточной Европы и наиболее развитых странах «третьего мира», не говоря уже о развитых. Просто банковская система Восточной Европы в основном является собственностью западных банков с их огромными финансовыми ресурсами и опытом

деятельности. А в России под контролем иностранцев находится не более 13% активов банковской системы, и их очень неохотно пускают в эту среду.

Овладение секретами банковской деятельности идет туго, как, впрочем, и на Западе в свое время. Стоило только перейти от спекуляций иностранной валютой и государственными краткосрочными обязательствами к обычным операциям, как выяснилось, что многие банки вести их не умеют. Особенно это заметно по стремительно растущим невозвратам потребительских кредитов, которые нередко выдают кому попало. Из-за слабости российских банков крупные компании обращаются за кредитами к зарубежным, которые пока их дают, но при неизбежных заминках в российской экономике и политике могут прекратить, как это уже не раз случалось. Впрочем, какова экономика, таковы и банки...

Я ничего не говорю о состоянии страховой системы России, потому как она постыдна и по масштабам, и по качеству услуг.

Не лучше положение и на рынке ценных бумаг. Важнейший его элемент – инвестиционные банки, самые сложные финансовые институты, символизирующие современный капитализм (Морган, Ротшильд). В России сильных отечественных инвестиционных банков до сих пор нет, а более 95% зарегистрированных на ее территории принадлежат иностранным собственникам. Именно они организуют первичное размещение акций российских компаний и выпуск ими облигаций. Торговля акциями на вторичном рынке также преимущественно ведется иностранцами. Правда, роль российских юридических и физических лиц в этой торговле растет, но по мировым меркам она все еще незначительна.

Привлечение внешних финансовых средств в последние годы исчисляется несколькими десятками миллиардов долларов, но для развития российской экономики нужно на порядок больше. Стоит сильно снизиться ценам на нефть и вследствие этого ухудшиться финансовому положению российских предприятий, – и нынешний уровень внешних заимствований может сократиться. Для создания собственного сильного рынка ценных бумаг также нужны десятилетия.

Торговля

У торгового капитала достижения как будто налицо – чего стоят одни только торговые сети. Но производительность труда в наших супермаркетах в три раза ниже, чем в западных, при практически одинаковой технической оснащенности. И эти торговые, по нашим меркам, гиганты – в больших долгах. Рейтинг 500 крупнейших компаний России показал⁵, что у торговых компаний, большая часть которых ведет бухгалтерскую отчетность по международным стандартам, доля привлеченных средств составляет в среднем около 80%, а порой их собственный капитал даже имеет отрицательное значение. Многие компании розничной и оптовой торговли отказались представить эти данные, что говорит о крайне неблагоприятном их состоянии. Стоит только ухудшиться торговой конъюнктуре – и многие из них станут банкротами.

Следовательно, и с этой стороны отечественным банкам грозит серьезнейшая опасность (ведь иностранные банки кредитуют преимущественно крупные высокодоходные промышленные и банковские компании). Правда, на показателе соотношения между собственным и заемным капиталом может сказаться занижение стоимости основных фондов, но в списке крупнейших торговых компаний преобладают новые компании, зачастую ведущие учет по международным стандартам, и для них это обстоятельство не столь значимо.

Для экономики не меньшее значение имеет оптовая торговля – связующее звено розничной торговли с производством и мировой экономикой. Но обычные для рыночной экономики функции оптовой торговли выполняются ими очень плохо, а многие в России просто отсутствуют⁶.

Материально-техническое оснащение

Сложны и материально-вещественные препятствия для вхождения в эру созидания. В безумные 1990-е годы были уничтожены сотни современных технологий, сдана на ме-

⁵ Финансы. 2006. № 36.

⁶ Федько В. П., Федько Н. Г. Инфраструктура товарного рынка. Ростов, 2000. С. 272–284.

таллолом немалая часть оборудования, а оставшаяся вконец изнасилась (участившиеся аварии в различных секторах экономики – тому свидетельство).

О понимании огромных трудностей эпохи созидания даже в среде либералов говорит обширное интервью А. Б. Чубайса⁷. Он признает царивший в России хаос и огромные тяготы, которые пришлось перенести населению в 1990-е годы, рассматривая это как временный и неизбежный этап формирования зрелой рыночной экономики. Так, ссылаясь на успехи торговли (от ларька до торговой сети), А. Б. Чубайс с гордостью и оптимизмом говорит о гигантских достижениях в эволюции российской экономики. Но при переходе к предстоящим задачам российской экономики от его оптимизма ничего не остается. Он так же, как и я, именует принципиально новый этап развития российской экономики развитием. Называя сложнейшие задачи, которые предстоит решить энергетикам в ближайшие годы (рост ввода генерирующих мощностей в семь раз за пять лет), отмечает, «что по сравнению с характером задач, которые нужно теперь решать, те (старые. – Г. Х.) были семечками».

Чубайс, однако, не был бы Чубайсом, если бы не выразил оптимизма в отношении возможности их решения. Таким он и был, обещая в начале приватизации за ваучер две «Волги». По подсчетам инвестиционной компании «Тройка Диалог», акции даже крупнейших компаний, которые платят дивиденды, при нынешнем их курсе и тогдашних коэффициентах обмена ваучеров, фактически стоят в десятки и сотни раз меньше⁸.

Теперь А. Б. Чубайс уверяет, что в 2007 г., после реструктуризации РАО ЕЭС на независимые компании, из внешних, в основном иностранных источников, поступит более 10 млрд дол. прямых инвестиций⁹. Это треть от того, что получила вся российская экономика в 2006 г. Ждать осталось совсем недолго, проживем – увидим. По-моему, это такая же ненаучная фантастика, как и обещанная цена ваучера. При нынешних регулируемых и явно заниженных це-

⁷ Завтра. 2006. № 38. С. 4.

⁸ РБК. 2006. № 10. С. 12.

⁹ Завтра. 2006. № 38. С. 3.

нах на электроэнергию найти желающих вложить деньги в эту отрасль будет очень сложно. Правда, их собираются либерализовать к 2011 г., но поверят ли этим обещаниям иностранцы – большой вопрос. И еще большие трудности возникнут с материальным наполнением этих средств (проекты, строительство, оборудование).

Обращает на себя внимание тот факт, что в последние годы с наибольшими трудностями сталкивается развитие более-менее технически и организационно сложных отраслей экономики. Например, многолетние усилия по подъему отечественного автомобилестроения не принесли зримого результата. Олигарх О. В. Дерипаска, преуспевший в обеспечении контроля над алюминиевой промышленностью и восстановлении ее до советского уровня, оказался бессильным увеличить объем и качество производства в компании «Руспромавто», в которую входят многие автомобильные заводы России¹⁰. Пришлось обращаться за поддержкой к западным фирмам. Подобной неудачей окончились и попытки воссоздать авиационную промышленность, имевшую в советское время, в отличие от автомобильной отрасли, немалые достижения.

Человеческий капитал

Приходится обратиться еще к одному, быть может, самому важному препятствию для вступления в эру созидания – слабости человеческого капитала. Здесь потери постсоветского периода оказались не меньше, чем в области производственного капитала, и эти потери носят зачастую не количественный (имелись и улучшения, к примеру, рост количества студентов), а качественный характер.

Одни квалифицированные рабочие и инженеры ушли на пенсию, другие – занялись более выгодными видами деятельности. Подготовка квалифицированных рабочих, инженеров и технологов была свернута, ее качество значительно снизилось, подавляющее большинство получивших образование работают не по специальности. Кто будет решать сложные задачи созидания, коренной реконструкции

¹⁰ Smartmoney. 2006. № 26. С. 17–19.

российской экономики? Просто способных, как в период восстановления, уже недостаточно, – нужны таланты и гении. Но их очень мало, да их особенно и не ищут.

Возьмем самый сложный элемент человеческого капитала – научный. В него в советский период были вложены огромные ресурсы, что приносило немалые плоды, несмотря на огромные препятствия для творческой деятельности в бюрократизированной, милитаризованной и почти изолированной от международных контактов советской научной системе. Казалось, следовало беречь накопленный человеческий капитал, создав для него лучшие условия реализации. Но произошло совершенно противоположное.

Расходы на науку сократились во много раз, ее востребованность в примитивной российской экономике почти исчезла. Без каких-либо препятствий со стороны научной бюрократии и государственной власти, не имея возможности реализовать себя внутри страны, лучшая часть научного сообщества покинула страну. Из 43 лауреатов Филдсовской премии восемь жили когда-то в России (это прекрасный результат, свидетельствующий о высоком уровне математики в СССР), из них в России остался только один – Г. Я. Перельман, уволившийся, кстати, в начале 2006 г. из Российской академии наук. Из 17 российских членов Национальной академии наук США все – эмигранты. В России теперь живет всего один нобелевский лауреат в возрасте 90 лет, а еще в 1980 г. их было семь. Остался только один гражданин России (из семи в 1987 г.) в Лондонском королевском обществе, самом престижном в мире, – математик И. М. Гельфанд в возрасте 94 лет, но и он живет за границей¹¹.

Если судить по этим данным, российская естественная наука в постсоветский период потеряла 90% своего потенциала. И иначе как катастрофой это назвать нельзя. По показателю цитируемости Россия теперь находится на 18-м месте в мире, уступая, например, Израилю, и более чем в 37 раз – США¹². Ничтожными являются и результаты прикладной науки, измеряемые стоимостью проданных лицензий.

¹¹ Радзиховский Л. Национальный проект // Российская газета. 2006. 5 сентября.

¹² Наука в Сибири. 2006. № 6.

Ситуация в гуманитарных науках в период СССР была намного хуже сегодняшней. Некоторые остряки даже называли их «неестественными». Вот здесь в постсоветский период произошло улучшение. Хотя в количественном отношении число мнимых ученых значительно выросло, но наряду с ними появились очень интересные и глубокие авторы.

Можно ли восстановить и увеличить этот потенциал? Наверное, да, но очень нескоро. Пару лет назад я спросил у родственника, влиятельного работника оборонного института со стажем: сколько лет потребуется его институту для восстановления прежней производительности при получении былого финансирования. Подумав, он ответил: 10 лет. Такие же сроки мне назвал авторитетный геолог на аналогичный вопрос о геологии.

Не лучше обстоит дело и в образовательном комплексе. По расчетам специалистов Шанхайского университета, в последние годы только один, максимум – два российских вуза вошли в список 200 лучших вузов мира, заняв далеко не первые места. В западном рейтинге вузов мира за 2005 г. в сотню лучших вошел только один российский вуз – Московский государственный университет, заняв 93-е место, на 17 позиций ниже, чем в предыдущем году¹³.

Причина отставания заключена не только в слабом финансировании. Чуть ли не о каждом вузе говорят как о месте получения взяток преподавателями и руководителями. Какие могут быть у них выпускники? И какое будущее ожидает страну, где специалистов выпускают такие вузы? Но их руководители и чиновники системы высшего образования все еще уверяют общественность в том, что наша система – чуть ли не лучшая в мире.

Загнивание науки и высшего образования началось давно, еще в 1970-е годы, заметно углубившись после 1990 г. Взяв с большим опозданием курс на инновационное развитие, российское руководство, видимо, не осознало, насколько сильно Россия отстала в области НИОКР и образовательном комплексе, какие огромные усилия и сроки потребуются для ее восстановления.

¹³ newsru.com. 2006. 6 октября.

Спору нет, в последние годы прилагаются некоторые усилия по подъему науки и высшего образования. Но они совершенно несопоставимы в финансовом, институциональном и кадровом отношении с тем, что необходимо для поднятия этих сфер, и даже не могут остановить дальнейшее ухудшение. Можно ли всерьез говорить о науке и высшей школе, если аспирантам даже после неоднократного повышения стипендий платят 1500 руб. в месяц? Иначе как издевательством это не назовешь.

Качество государства

Наконец, посмотрим на качество нашего государства, которое при любой модели управления остается важнейшим фактором экономического развития. По различным оценкам его эффективности, Россия находится во второй сотне государств мира. Еще более низкий уровень качества мелких государств Африки, Латинской Америки и бывшего СССР вряд ли является достаточным утешением: у них и размеры несравненно меньше, и экономика намного проще. Нет у них ни ядерного и ракетного оружия, ни такого количества сильных соперников.

Российский государственный аппарат по-прежнему крайне коррумпирован и малокомпетентен. Я не вижу убедительных доказательств громадного роста его коррумпированности в послеельцинскую эпоху, в чем нас пытаются убедить «исследования» либеральной оппозиции. Но нет и заметного улучшения, о чем свидетельствуют оценки международных организаций.

Все еще крайне слаба ориентация этого аппарата на стратегические цели, хоть и определенно возросшая. Качество непрерывно появляющихся правительственных общеэкономических и отраслевых концепций не слишком высокое. Достаточно отметить, что они базируются на ошибочной экономической информации Росстата, поэтому истина доходит до наших экономических «стратегов» с огромным опозданием. Только недавно, например, они обнаружили надвигающийся топливно-энергетический и инвестиционный кризис.

Еще в 2000 г. я писал о необходимости увеличения производственных капитальных вложений в 5 раз¹⁴ (об этом говорили и экономисты К. К. Вальтух и С. Ю. Глазьев). В правительственных стратегиях речь шла максимум о 10%-м росте, который оказывался еще ниже из-за неучтенного роста оптовых цен на инвестиционные товары. И вот теперь наши стратеги проснулись. По сообщению министра финансов РФ А. Л. Кудрина, до 2009 г. «по прогнозам правительства их объем... удвоится»¹⁵. Это означает среднегодовой рост капитальных вложений в 2007–2009 гг. более чем на 25% – как раз столько, сколько предлагали некоторые российские экономисты много лет назад.

Остается выяснить, как этот рост предлагается финансировать. Об этом А. Л. Кудрин не говорит ни слова. Если правительство будет разыскивать этот метод столько же лет, сколько оно определяло необходимые размеры роста капитальных вложений, это займет немало времени. А ведь еще остаются проблемы материально-вещественного обеспечения этого роста.

Немного истории

Как показывает исторический опыт развития российской экономики, переход к стадии созидания означает глубокие изменения в системе государственной власти. Здесь уместно вспомнить эпоху Петра I. В советский период эпоха разрушения связана с лидерством В. И. Ленина, хотя последние два года его лидерства пришлись на эпоху восстановления, связанную с именами Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, Г. Я. Сокольникова, Ф. Э. Дзержинского. А вот переход к эпохе созидания потребовал выдвижения И. В. Сталина в качестве лидера. Каждый из этих периодов был связан с крупными перетрясками государственного и хозяйственного аппарата, при Сталине – весьма кровавыми.

Такие изменения нельзя считать случайными. Каждая эпоха предъявляет свои требования к правящему слою и

¹⁴ Ханин Г. И. Экономическая эйфория образца 2000 г. // ЭКО. 2000. № 9. С. 4. Первоначальное название статьи – «Экономическая шизофрения».

¹⁵ Кудрин А. Как ускорить рост // Ведомости. 2006. 2 октября.

характеру государственной власти. В период экономических реформ в современной России (и СССР) периоды разрушения связаны с лидерством М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, восстановления – с В. В. Путиным. С чьим именем будет связана эпоха созидания? Какие потрясения ожидают российскую правящую элиту? Это покажет ближайшее будущее.

К великому сожалению, в России осознание необходимости экономического рывка правящим слоем и населением происходило с огромным опозданием. Поэтому, в отличие от западных стран, ее экономическое развитие представляло собой сочетание периодов длительного отставания и конвульсивных, а потому кровавых скачков. Попытки переломить эту дурную традицию предпринимались неоднократно, но неизменно заканчивались неудачей. И последняя 20-летняя попытка, увы, кажется, заканчивается тем же.

И снова кризис?

Вывод из сказанного очевиден. Созданный в России общественный и хозяйственный механизм не способен собственными силами решить проблему созидания. Более того, в нем заложен значительный негативный потенциал экономического кризиса в виде большого количества «мыльных пузырей» и новых пирамид¹⁶, который пока скрывается благодаря высоким мировым ценам на нефть. И этот кризис может оказаться намного более значительным и продолжительным, чем кризис 1998 г. Достижения последних лет в виде выросшей монетаризации экономики могут усилить его масштабы.

При преобладании бартера в расчетах банкротство редко угрожало коммерческим организациям, а банкротство банков слабо сказывалось на положении их вкладчиков: банков было мало, и средств они держали немного. Внешний долг России, преимущественно в виде задолженностей государственных компаний, за которые придется отвечать го-

¹⁶ Сходство современной банковской системы России с финансовыми пирамидами я вижу в следующем. У многих компаний старые займы погашаются за счет получения новых у тех же или других банков, поэтому так низка доля невозврата кредитов. Раз кредиты погашаются и проценты идут, банкиры не беспокоятся. Точно так же было и у финансовых пирамид.

сударству, уже достигли более 280 млрд дол. И тогда банкротства банков, коммерческих организаций и частных лиц потрясут всю экономику. А если российский кризис совпадет с мировым, о чем говорят все чаще, то его последствия будут колоссальными.

Опасность еще и в том, что он совпадает с глубочайшими структурными диспропорциями российской экономики. Конечно, макро- и микроэкономические диспропорции характерны для кризисов в рыночной экономике, но нигде они не достигали таких размеров, как в нынешней России. Наиболее яркий пример: возмещение износа коммунальных сетей идет сейчас настолько медленно, что может занять сотни лет. Их срочное приведение в надлежащий порядок потребует многих триллионов рублей. Легко представить себе последствия массовых аварий в коммунальном хозяйстве. На смену старым диспропорциям советского времени пришли новые с противоположным знаком (вместо убогости сферы услуг – ее гипертрофия, вместо гипертрофии ВПК и машиностроения – их недоразвитость и т. д.).

Кризис, даже самый глубокий, в конце концов так или иначе заканчивается, хоть и через много лет. Самое тяжелое и опасное – это не кризис общественной системы, ее можно и сменить. Но как сменить население? К сожалению, безнравственным в период реформ оказался не только почти весь правящий класс, но и значительная часть населения страны. Такая почти всеобщая аморальность погубила и социализм, и так называемый российский капитализм. Погубит она и любой другой общественный строй, который придет ему на смену...

Инерция или мобилизация?

Из сказанного выше вытекают наиболее очевидные прогнозы развития российской экономики, при всей их рискованности. Если исключить чудо (в виде очередного повышения мировых цен на нефть), следование нынешнему инерционному сценарию означает (из-за исчерпания ресурсов и наиболее легких возможностей их использования) в лучшем случае ничтожный рост, в худшем – застой и даже спад.

Остановимся подробнее на вопросе о легких возможностях использования ресурсов. Пример со снижением материалоемкости в сельском хозяйстве хорошо иллюстрирует проблему. В последние годы в СССР горючее, минеральные удобрения и электроэнергия использовались так нерационально, что при появлении материальных стимулов по их сбережению произошло резкое улучшение использования без каких-либо капитальных вложений. Но в дальнейшем без капитальных вложений в сельском хозяйстве не обойтись, как и без квалифицированных человеческих ресурсов. Столь же примитивны были меры по улучшению использования основных фондов в угольной и нефтяной промышленности в постсоветский период: закрытие малопроизводительных шахт и нефтяных скважин.

Велика и опасность конъюнктурных кризисов из-за растущего финансового неблагополучия многих секторов экономики. Если судить по традиционным показателям, в банкротном и предбанкротном состоянии находится подавляющее большинство российских предприятий. Этого пока не произошло, и не только оттого, что банкротство приносит мало пользы кредиторам, но и из-за теневых финансовых активов многих предприятий. Хватит ли их при очередном финансовом кризисе – тоже большой вопрос. Не говоря уже о том, что при вероятном ужесточении отношения к частному капиталу многие собственники предпочтут не спасать свои предприятия, сэкономят финансовые активы, зачастую размещенные за границей.

Не хочу сказать, что инерционный сценарий абсолютно безнадежен. Привлечение большего объема иностранного капитала может изменить картину. Нельзя исключить и более зрелые действия бизнес-сообщества и власти, особенно после нового кризиса, который может обернуться столь же плодотворными результатами, как и кризис в 1998 г. Но возможности здесь весьма ограничены, а изменения требуют многих лет.

Более эффективным, хотя и намного более болезненным выглядит мобилизационный сценарий развития, основанный

на историческом опыте России¹⁷. Не могу сказать, что он мне нравится, но к сожалению, не вижу ему реальной альтернативы (разве что превращение России в полуколонию по примеру стран Восточной Европы).

Он предполагает мобилизацию всех ресурсов общества при решающей роли государства, с немалыми материальными жертвами разных слоев населения, особенно состоятельных. К сожалению, за ошибки недалеких правителей часто расплачиваются рядовые граждане, виновные разве что в легкомысленном следовании за ними. Сценарий предполагает коренное изменение сложившейся в постсоветский период структуры в пользу отраслей, направленных на развитие экономики. Ключевым и самым трудным элементом для реализации является смена нынешнего правящего слоя, сформировавшегося в период экономического упадка.

При реализации всех элементов мобилизационного сценария российская экономика через 10–12 лет сможет выйти на траекторию устойчивого и быстрого экономического развития, восстановить и превзойти прежний уровень личных доходов населения при их более обоснованном распределении.

К сожалению, наше государство не предпринимает эффективных усилий по осуществлению ни одного из указанных сценариев, хотя речей о переходе к инвестиционному, инновационному развитию говорится немало.

Первым реальным шагом к поиску путей экономического возрождения могло бы стать откровенное изложение народу реального состояния и перспектив экономики России. Но хотя В. В. Путин в июне 2006 г. и упомянул о «лукавой цифре», этого до сих пор не сделано. И, по-видимому, придется ждать следующего кризиса, чтобы правда дошла до государства и общества. Тогда и станет возможным переход к периоду созидания, хоть и весьма нелегкий.

¹⁷ См. статьи автора: ЭКО. 2004. № 9–10.; 2005. № 12.